

*Памяти моего сына Женечки
посвящается*

Глава 1

Просыпаясь в тот день, Наташа Добрынина и представить себе не могла, что сегодня вся ее жизнь — пусть не счастливая, но привычная и устоявшаяся — коренным образом изменится. Причем далеко не в лучшую сторону.

Поначалу серенькое сентябрьское утро не предвещало никаких новостей. В половине девятого Наташа вышла из спальни и, позавтракав домашним йогуртом с половинкой банана, энергично взялась за хозяйство. Ближе к вечеру из недельной деловой поездки должен был вернуться Алексей. И столько всего нужно было успеть! Заглянув в каждую из трех комнат своей просторной квартиры, Наташа задумалась, с чего начать — с сортировки выглаженного белья или с полива цветов в лоджии. И то и другое дело было не слишком обременительным — в самый раз для разгона домашнего «рабочего дня». Других у нее не было — вся ее жизнь была связана с домом.

В свои пятьдесят четыре она выглядела от силы на сорок. Невысокого роста, стройная, большеглазая, с короткой стрижкой на темно-русых прямых волосах, Наташа относилась к той счастливой породе людей, чей возраст угадывается с трудом. Так было с молодости, когда ее, миниатюрную молодую женщину, порой принимали чуть ли не за ровесницу сна-

чала старшеклассницы-дочери, а потом и младшего сына. Правда, теперь уже не перепутали бы — Ленка давно переросла маму на целую голову и, пойдя внешностью в отца, к тридцати четырем годам выглядела вполне на свой возраст. Чего не скажешь о Костике, младшем сыне. Лозунг Наташиного пионерского детства «Нам никогда не будет шестьдесят, а лишь четыре раза по пятнадцать!» к Костику подходил идеально, и в смысле личности, и в смысле внешности. Он был высоким, как и сестра, но каким-то рыхлым, нескладным. Даже нормальной растительностью на лице обзавестись не получилось — щетина росла хаотично, в основном по линии челюсти с редкими заскоками на щеки и шею. Когда Костик был младше, страшно по этому поводу переживал, хоть и старался не особо показывать. А теперь... Что теперь? Теперь его заботило совершенно другое.

Думая о детях, Наташа невольно улыбнулась и вновь заглянула в бывшие детские. В комнате Костика ничто не напоминало, что тут еще несколько лет назад жил студент. Едва сын съехал от них, как Алексей затеял во всей квартире ремонт, слава богу, хоть косметический. Тогда обновили обои, полы, частично сменили мебель. Это было пять лет назад, но до сих пор Наташа именно Костину комнату мысленно звала детской, хотя Алексей упорно звал ее «гостевой». Как будто у них хоть раз останавливались гости с ночевкой! Приезжать было некому — близких родственников и друзей в других городах у Добрыниных не имелось, а просто знакомые, приезжая в город на Неве, конечно же, останавливались не у них, а в гостиницах.

В Ленкиной комнате — она была чуть просторнее, с широким трехгранным эркером во всю стену — теперь была спальня Алексея. Сама Наташа обитала в общей супружеской спальне. Бывшей общей.

Вздыхнув, Наташа прошла в комнату мужа, открыла платяной шкаф и принялась осматривать содержимое. Алексей наверняка с дороги отправится в душ, а после обеда, может, и вздремнуть надумает. Он рассказывал, что поездка получилась нервной, едва не скандальной: во всяком случае, именно так он описывал ее в коротких отрывистых сообщениях, которыми муж и жена обменивались где-то раз в два дня. Даже с ночлегом не особенно повезло: из всех гостиниц Иркутска ему досталась именно та, где не нашлось ни единого номера с его любимым ортопедическим матрасом. Да и водились ли там вообще такие чудеса комфортного быта, к которым привык ее разборчивый муж? Вряд ли. Так что приедет усталый, измотанный. Хорошо, если не раздраженный, как часто бывало в последнее время. Алексей не имел привычки срывать накопившееся за рабочий день недовольство на жене, но Наташа все замечала: и хмурый, словно обращенный внутрь себя взгляд темно-серых, чуть навывкате глаз, спрятавшихся под густыми бровями, и сжатый в прямую линию рот, и нервное постукивание пальцев по скатерти, когда муж сидел в любимом широком кресле напротив окна в просторной кухне-столовой и ждал, пока она накроывает на стол. Ничего тут не сделаешь: бизнес есть бизнес. Он никого не щадит и никому не дается легко. Даже тем, кому уже шестьдесят и кто всю жизнь посвятил своему делу.

На первых порах их бизнес без преувеличения можно было назвать семейным. Еще в начале девяностых свекор Наташи, Олег Викторович, открыл свою фирму. Потом к делу подключился его сын и продолжил заниматься им после смерти отца. Компании меняли формы собственности, закрывались и тут же открывались снова, но область деятельности оставалась все той же — лаки и краски. Сначала Алексей торго-

вал импортом, позже и сам занялся производством. Теперь он владел успешной фирмой с несколькими филиалами, и дел было выше головы, только успевай поворачиваться.

К сегодняшнему дню все надежды Алексея на преемственность поколений уже рухнули. Лена еще в школе заявила, что бизнес — это не для нее, она исключительно творческая личность. А следом за сестрой отказался и Костя, несмотря на весьма прозрачные намеки и откровенные попытки давления в вопросе выбора будущей специальности. К разочарованию Алексея, после школы Костик собрался учиться на программиста, ни менеджмент, ни экономика производства, ни уж тем более химия лаков и красок не интересовали его совершенно. А вот разработка виртуальных вселенных, мир компьютерных игр и сетевых приложений — еще как. В старших классах Костик с головой погрузился в эту самую нереальную реальность и ни в какую не пожелал из нее выходить. После того как сын поступил на факультет этой самой своей прикладной информатики, Алексей, подождав еще пару лет, не одумается ли тот вдруг, со вздохом принялся растить себе помощников из «подручных материалов». Благо молодых менеджеров с амбициями и карьерными планами в его собственной фирме было хоть отбавляй.

Рассеянно перебирая стопки безукоризненно выглаженного постельного белья, Наташа поменяла местами два лежащих не по цвету комплекта. Просто удивительно, как она такое проглядела? Непорядка в ее шкафах отродясь не водилось, впрочем, как и на кухне, и в ванной, и во всем остальном доме, которым Наташа занималась всю свою взрослую замужнюю жизнь, ни капли этим не тяготясь. Наоборот, хозяйственные заботы были ей в радость. Да и почему

бы не радоваться, когда стараешься для родных, любимых людей? И сейчас, пусть дети выросли и обзавелись собственным жильем, и Наташа жила только с мужем, это нисколько не повлияло на многолетнюю привычку быть хозяйкой идеального дома.

А домом своим Наташа по праву гордилась. Просторную трехкомнатную квартиру, всеми окнами выходящую на один из притоков Невы, с высокими потолками, с огромной кухней-столовой и собственной кладовой, усилиями жильцов оборудованной в цокольном этаже, Наташе с Алексеем подарили родители мужа. Когда стало понятно, что дела у молодых идут к свадьбе, Олег Викторович купил им жилье в том же доме, где жила его собственная семья. Людмила Михайловна, будущая Наташина свекровь, была только рада такому соседству. К Наташе она относилась тепло и безоговорочно приняла ее как родную. Радовалась и Наташа всем сердцем — она тоже сразу полюбила родителей своего серьезного и немногословного избранника.

Сама Наташа выросла в неполной семье, с одной только мамой. Отца не помнила: родители развелись вскоре после рождения дочери, и мама избегала всяческих разговоров о нем. Даже ни одной его фотографии в доме не сохранилось. В тот год, когда Наташа появилась на свет, Ирине исполнилось тридцать шесть. Это была тихая, ничем не примечательная, вечно усталая женщина со слабым к тому же здоровьем. Работала машинисткой в проектно-институте, постоянно брала на дом халтуру, и ни на что другое, будь то домашние дела или общение с дочкой, у нее не оставалось ни сил, ни времени, ни желаний. Все детство и юность Наташи прошли под стук пишущей машинки, начинавшийся с первым сигналом радиоточки на кухне и заканчивавшийся поздним вечером.

Жили они тогда в коммуналке на улице Блохина, и соседям такие «концерты», конечно, не нравились. Что бы хоть как-то снизить накал то и дело вспыхивающих страстей, из двух комнат, в которых они обитали, Наташина мама перебралась в дальнюю — ту, что примыкала к черному выходу и была почти вдвое больше совсем крошечной детской. Зато стрекот «Эрики», купленной по случаю в комиссионке, оттуда был еле слышен. Какое-то время все было спокойно, но соседи на то и существуют, чтобы жизнь обитателей совместной жилплощади никому не казалась раем. Вскоре они принялись попрекать Наташину маму, что та засунула дочь чуть ли не в чулан с крошечным окном, смотрящим в стену дома напротив, а сама в это время «барствует» на шестнадцати квадратных метрах со своей подозрительной печатной машинкой. И хорошо бы еще разобраться, что она там печатает по ночам... Но тут за Наташину маму неожиданно вступился однорукий дядя Сережа — бывший фронтовик, обитавший в коммуналке напротив. Владелец громоздкого, неважно подогнанного протеза и точно такого же чуланчика, какой был у Наташи (квартира была зеркальной копией той, где она жила с мамой), он практически ежедневно наведывался к Колянцу, закадычному корешу и соседу по этажу. Разложившись на кухне с неизменным джентльменским набором — плавленым сырком «Дружба», ржаным «полкирпичиком» и беленькой «четвертинкой», — глухой на левое ухо дядя Сережа после первого же стопаря начинал громогласно вещать, с задиристой строгостью поглядывая на шныряющих мимо жильцов:

— И как ей, скажи на милость, ребенка кормить? Ты, что ли, денег дашь? Или ты? А?! Не слышу без очков!

Желающих связываться с контуженым ветераном обычно не находилось. Чинно допив свою «малень-

кую», мужчины расходились смотреть вечерние новости по телевизору, и трофейная немецкая «Эрика» продолжала бодро стучать, добывая пропитание тихой женщине с дочкой.

Все это было очень, очень давно. Но, несмотря на чудесные перемены, случившиеся в Наташиной жизни в дальнейшем, не истерлось из памяти. И даже сейчас, много лет прожив в полном достатке, она нет-нет да и вспоминала и колоритного дядю Сережу, и коммуналку на Блохина, и весь их с мамой серенький трудный быт. Наверное, Наташа именно потому и вкладывала сейчас столько сил в создание уюта нынешней квартиры, что в детстве была его абсолютно лишена. Какой уж тут уют — среди непонятно чьей обшарпанной мебели и старых тазов со сколами эмали, развешанных по стенам длинного полутемного коридора, ведущего в громадную общую кухню с тремя газовыми плитами напротив вечно замызанного окна... Правда, когда наконец подошла мамина очередь и Ирина Витальевна получила отдельную квартиру в заокраинных новостройках, куда ходили только трамваи, комфорта в их жизни больше не стало. Уже окончательно повзрослев, Наташа поняла, что мама толком и не представляла, что это такое — налаженный быт и домашний уют. Да и для кого ей было стараться? Для дочки? Квартира у них появилась, когда Наташа оканчивала выпускной класс, и вся ее жизнь — подруги, секция настольного тенниса, занятия на подготовительных курсах — была связана с городским центром. Домой она приезжала только спать. Тогда для себя? Начинать вить гнездо, разменяв шестой десяток, казалось Ирине Витальевне нерациональным и глупым. К тому же на дворе стояли такие времена, когда даже в Ленинграде товаров в магазинах становилось все меньше, а цены на них делались все выше. Покупка масляного радиа-

тора самого убогого вида (из плохо подогнанных окон их новостройки нещадно дуло три сезона из четырех) или элементарного кухонного светильника, который было бы неплохо повесить на стену возле обеденного стола, могла запросто превратиться в многодневный утомительный квест с отмечанием в списках, стоянием в очередях и молниеносным приобретением того, что не нравилось и совсем не подходило по цвету, но «ладно, зато работает».

Неудивительно, что теперь Наташа любила свой собственный дом всем сердцем. Еще бы! Здесь все было устроено по ее вкусу. Ни дети, ни уж тем более муж в ее представления об уютном налаженном быте предпочитали не вмешиваться. И она с удовольствием старалась для всех. И одновременно — за всех, потому что подобное невмешательство подчас оборачивалось необходимостью прилагать усилия в одиночку. Но Наташа на родных не сердилась и не обижалась. Ведь все они были ее семьей, самыми близкими людьми, а значит, нуждались в ее заботе.

Она так привыкла и считала это правильным. Обладая спокойным и мягким характером, Наташа с самого детства старалась доставлять маме как можно меньше хлопот. Рано начала помогать по дому, старательно училась и готовилась к поступлению в вуз. Из предметов ей лучше всего давались естественные науки, биология и химия. Окончив школу с приличным средним баллом в аттестате, Наташа успешно сдала вступительные экзамены в Технологический институт и через пять лет получила диплом по специальности «химия материалов». К этому времени Ирины Витальевны уже не было на свете — она умерла, едва Наташе минуло девятнадцать. Оставшись одна, Наташа ничего в своей жизни не изменила — каждый день все так же через весь город методично ездил в ин-

ститут, по вечерам возвращалась в пустую квартиру. В какой-то момент испугалась: ей вдруг стало казаться, что так будет вечно...

Но у судьбы были другие планы на скромную тихоню с неяркой внешностью и застенчивой милой улыбкой. Довлевающий над ней сценарий жизни собственной матери Наташа не повторила. Учась на четвертом курсе, она проходила практику на лакокрасочной фабрике и там познакомилась с будущим мужем. Высокий, интересный, неизменно пользующийся успехом у практиканток молодой специалист Алексей Добрынин восхитил девушку с первого взгляда. К ее собственному безмерному удивлению, он тоже обратил на нее внимание. Для Наташи это стало почти что шоком: крайне застенчивая и вечно сомневающаяся в себе, она не считала себя даже хоть сколько-нибудь привлекательной и до этого момента не имела никакого опыта общения с молодыми людьми. Много после, уже будучи замужем, Наташа вспоминала первые месяцы их знакомства и понимала, что ее влечение к Алексею, помимо совершенно нормального в таком возрасте желания влюбиться и быть любимой, во многом было соткано из усталости от одиночества, потребности в хотя бы мнимом близком человеке рядом и искренней благодарности этому самому человеку за то, что он заметил ее и выделил из толпы.

Алексей тогда готовился отметить двадцатипятилетие, и ему пора было всерьез задуматься о создании семьи. Так было лучше для карьеры, которую он собирался делать по комсомольско-партийной линии, но с началом перестройки спешно отредактировал планы и целиком сосредоточился на бизнесе. Его отец был заместителем директора этого самого лакокрасочного завода, о чем Наташа впервые услышала,

уже оказавшись у них дома, в день знакомства с семьей жениха. Родители выбор сына одобрили. По их мнению, на роль жены начинающего перспективно-го бизнесмена Наташа подходила идеально. Она была именно из тех девушек, «от которых не сходят с ума, но на которых женятся», — неброская, скромная, покладистая, уравновешенная. Такая всю жизнь будет заботиться о муже и детях, хранить верность и поддерживать тепло в домашнем очаге: а что еще требуется от жены? Это семейное решение, принятое после первого знакомства, уже через много лет Наташе озвучила свекровь Людмила Михайловна. По характеру она и сама во многом напоминала Наташу — была тактичной и неконфликтной, предпочитая в сложные жизненные минуты не устраивать скандалы и не давить, а где-то смолчать, где-то перетерпеть, где-то мягко и ненавязчиво предложить свое собственное решение и потихоньку, спокойно найти выход из любой ситуации.

Свекры не ошиблись — из Наташи и впрямь вышла отличная жена. Пробыв в браке без малого тридцать пять лет, она давно привыкла и к характеру мужа, постепенно сменившего энергичность и рациональность на откровенную властность и эмоциональную холодность, и к его бесконечной погруженности в работу. Пока был жив Олег Викторович, Алексей, как и положено в семейном бизнесе, держался на шаг позади, но после кончины отца взялся за дело всерьез. Смысл его жизни составляла работа. Там он раскрывался по-настоящему и по-настоящему жил. Был, как бы пафосно это ни звучало, истинным властелином и повелителем бизнес-стихий, железной рукой управлял вихрями и тайфунами товарных запасов, корпоративных финансов и отношений с партнерами. А домой приходил, чтобы выспаться, хорошенько поесть, коротким

и зорким взглядом окинуть семейство — все ли спокойно, всего ли им вдоволь? — и, набравшись сил, снова ринуться в профессиональную битву.

Несмотря на профильное образование и многочисленные примеры, когда «муж и жена — одна бизнес-сатана», себя рядом с ним в бизнесе Наташа не мыслила ни сразу после замужества, ни прожив вместе годы и годы. Да и зачем ей это? Сыграв свадьбу на пятом, последнем курсе, диплом она защищала, уже будучи беременной дочерью, а не успела Лена пойти в школу, как родился Костя. Время было беспокойное и одновременно удивительное — столько всего нового появлялось вокруг! Взять хотя бы одноразовые подгузники. Когда появилась Ленка, о них в Советском Союзе еще толком и представления не имели, а к моменту рождения Костика в продаже появилось уже множество новинок, сильно облегчивших женщинам жизнь. Людмила Михайловна только ахала да всплескивала руками:

— Это что же... Один раз надел — и в помойку? И не надо стирать? Ох и повезло, Наташка, такое счастье привалило!

Наташа и вправду чувствовала себя очень счастливой. Не из-за памперсов, разумеется, и не из-за прочих примет изобилия, широким потоком обрушившихся на ее молодую семью. Она была нужной, любимой и с огромной радостью, с энтузиазмом заботилась о муже и маленькой дочке, а потом и о сыне. Занималась домом, растила и развивала детей. А то, что за всеми этими заботами ни дня по специальности так и не проработала — ну и что? И без того крутилась словно белка в колесе, едва ли не круглосуточно. Появлению внуков свекры очень обрадовались, но оставить работу и засесть с малышами дома новоявленная бабушка не торопилась. Людмила Михайловна заведовала круп-

ной аптекой, должность эта была настоящей сокровищницей. Зарплата у нее была весьма скромной, но за годы работы она сумела обзавестись многочисленными связями, помогавшими во всех сферах жизни. Правило «ты – мне, я – тебе» действовало безотказно во все времена. Так что с детьми Наташа возилась самостоятельно.

Упрекнуть себя ей было решительно не в чем. К тому времени, когда дети более-менее подросли и Наташе стало полегче, Алексей уже достаточно зарабатывал, и у его жены не было никакой необходимости заниматься чем-то еще, кроме мужа, детей и себя. Вот она занималась всем, к чему неизменно лежала душа: любимым домом, добротной ухоженной дачей, расположенной в недалеком сосново-озерном пригороде, изредка рукоделием.

А вот что ее действительно увлекло и со временем стало и страстью, и настоящей домашней профессией – это кулинария. Началось все, опять же, с Людмилы Михайловны. Это она научила привыкшую питаться одними бутербродами и яичницами Наташу и готовить, и выбирать продукты, и правильно сервировать стол. Будучи женой замдиректора завода, Людмила Михайловна могла позволить себе еженедельно закупаться на рынке. Опять же, помогали и собственные многочисленные связи: доставая лекарства знакомым, среди которых были директора интуристских гостиниц и ресторанов, заведующие валютными «Березками» и плодоовощными базами, она получила доступ к заграничной и отечественной экзотике – фруктам, специям, лучшему мясу и свежайшей рыбе. Коллекционировала Людмила Михайловна и рецепты – выписывала их из календарей и журналов, доставала через знакомых продавцов книжных и букинистов современные и старинные кулинарные книги,

просила всех «выездных» друзей привозить ей соответствующие издания из-за границы и переводила их с помощью словарей. Все понравившиеся рецепты обязательно пробовала готовить сама. Чаще всего кое-что переделывала, значительно улучшая. Самые лучшие и интересные находки записывала, чтобы не забыть и не потерять, в толстые ученические тетради, дополняя записи рисунками. Когда сын женился, Людмила Михайловна принялась с удовольствием передавать эти знания невестке, тем более что Наташа оказалась очень благодарной и талантливой ученицей.

Вот и сегодня к возвращению мужа Наташа собралась приготовить его любимый рыбный рассольник с фрикадельками из белой речной форели и фрикасе из кролика с рисом и овощами. Что и говорить, поест Алексей любил всегда, так что плоды Наташиных трудов пользовались у него неизменным успехом. Особенно после командировки. Шутка ли — почти неделю на ресторанных харчах! В их качестве Наташа не сомневалась (времена, когда можно было отравиться даже в самом лучшем заведении, слава богу, давно позади), но вот к подбору блюд у нее бывали претензии. Как и большинство мужчин, много нервничающих и слишком погруженных в дела, к шестидесяти годам ее муж успел обзавестись целым букетом не то чтобы болезней, но... состояний. Или особенностей пищеварения — так было бы правильнее сказать. И кому, как не ей, его собственной жене, было знать обо всех этих нюансах и деликатных подробностях!

Так что, покончив с разбором белья, Наташа переметнулась на кухню и занялась обедом. Времени до приезда Алексея было достаточно: накануне он написал, что будет дома не раньше пяти. Поэтому, когда в половине второго в прихожей хлопнула дверь, Наташа, прислушавшись и убедившись, что в квартире она те-

перь не одна, громко крикнула, обернувшись в сторону коридора:

— Ленуська, ты? А чего не предупредила?

Ей не ответили. Через секунду по знакомому кряхтению и глухому отрывистому покашливанию Наташа поняла, что это Алексей. Наспех вытерев руки, она выглянула в прихожую. Муж стоял спиной, сжимая в руках легкую куртку, и, глядя в зеркало, медленно приглаживал редкие волосы на висках и затылке.

— Ой, привет! Поменяли билеты? Что же ты не позвонил? У меня еще ничего не готово, — улыбнувшись, сказала она и подошла к Алексею, подставила щеку для поцелуя.

Он коротко коснулся губами ее виска и потянулся к вешалке.

— Устал, — коротко выдохнул и прошел в ванную.

Наташа, поняв, что более обстоятельный разговор откладывается до обеда, вернулась на кухню и принялась изучать содержимое холодильника. Что бы такого приготовить на скорую руку? Горячие бутерброды или омлет с помидорами и беконом? Рассольник был наполовину готов, а вот кролика она только-только разделала. Вот почему нельзя было заранее позвонить?

Засуетившись между плитой и холодильником, она не сразу поняла, что муж в кухне так и не появился. Через несколько минут, когда микроволновка уже вовсю гудела, подогревая хлеб для бутербродов, а на столе появились помидоры и мясная нарезка, Наташа заглянула в комнату Алексея. Тот стоял, заложив руки за спину и глядя в окно. Платяной шкаф, в который Наташа утром убирала белье, был распахнут. Рядом лежала неразобранная дорожная сумка. А еще почему-то большой чемодан, с которым они обычно ездили в отпуск.

— Омлет будешь? Приходи через пару минут, — сказала Наташа и собралась вернуться на кухню.

Но тут Алексей, медленно обернувшись, посмотрел на нее как-то странно: обвел взглядом всю, словно впервые увидел, от теплых домашних тапочек до аккуратно причесанной макушки.

— Сядь.

Ничего не понимая, Наташа послушно опустилась в кресло у двери.

— Я ухожу.

— Как же так? А обед?

— Обед. — Он коротко усмехнулся, передразнив ее удивленную интонацию. — Вечно у тебя на уме одно и то же. Я ухожу совсем. Мы разводимся.

Чтобы не упасть, Наташа до боли в пальцах вцепилась в кожаные подлокотники кресла. Лицо мгновенно стало горячим, словно она наклонилась над кипящей кастрюлей. Слишком низко. Опасно низко.

— Леша, послушай...

— Нет, это ты сейчас будешь слушать, что я скажу. — Нервно передернув плечами, он прошелся по комнате и вновь вернулся к окну. — Мы оба знаем, что наш брак давно умер. Дети выросли, съехали. Мы друг другу совершенно чужие. Не вижу смысла продолжать ломать эту комедию дальше. Во всяком случае, мне это точно больше не нужно. Я больше не могу существовать в этом болоте и не собираюсь превращаться в пенсионера. Я собираюсь двигаться дальше. Надеюсь, тебе все понятно.

— Понятно, — эхом повторила Наташа, еще сильнее вжимая пальцы в жесткую кожу кресла. Что тут не понять? Он не собирается превращаться в пенсионера и хочет двигаться дальше. А она, Наташа, болото, которое мешает его развитию. Все предельно ясно.

— Отлично. А раз понятно, тогда давай, как цивилизованные люди, обсудим все возникающие вопросы. Я тут подумал — и вот что решил...

На кухне тревожно позвякивала крышка, подпрыгивая на кастрюле с перекипающим рассольником. Вжав голову в плечи, Наташа смотрела в пол, следя за движениями мужниных тапок в коричнево-черную клетку. О чем Алексей говорил — почти что не слушала.

Он все решил.

Ее мнение никого не интересовало.

Конечно, Наташа прекрасно понимала мужа. Подобные разговоры тяжело даются обеим сторонам — и тому, кто сообщает о расставании, и тому, кто это слышит. Собственно, даже еще вопрос, кому из двоих хуже... Видимо, пытаясь справиться с чувством неуверенности и дискомфорта, Алексей предпочел говорить сухо и даже несколько резковато. Скорее всего, такая тактика показалась ему наиболее подходящей, он решил, что она поможет избежать нежелательных проявлений подступающей драмы: слез, горьких упреков и назойливых уговоров. Слушая его, Наташа чуть ли не читала его мысли, понимала, как не хотелось ему пускаться в объяснения. Того и гляди скатишься к оправданиям. А что тут скажешь? Что он давно охладел к ровеснице-жене и полюбил другую? Молодую, яркую и притягательную коллегу, почти вдвое младше его, которая отвечает ему настоящей, серьезной взаимностью? К тому же беременную. И согласную выйти за него замуж. Так что все кончено. Не о чем говорить.

Но о чем говорить, конечно же, было. Алексей и сам это знал. Уж кем-кем, а бездушным мерзавцем Наташин муж точно не был и бросать бывшую на

произвол судьбы не собирался. Поэтому он сообщил жене, что оставит ей квартиру и ту машину, на которой она ездит (у Алексея, разумеется, была своя). А также положит на ее счет некую сумму – на устройство на первое время.

– Миллион. Полагаю, с учетом стоимости квартиры это будет вполне справедливо. К тому же несколько лет назад я покупал на твое имя кое-какие акции. Ты никогда не вникала, но сейчас некоторые из них прилично взлетели в цене. Кое-что, правда, немного просело... Но не важно. В любом случае вырастут. Весь портфель тоже останется за тобой, – продолжал распространяться он.

Было заметно, как с каждой новой фразой крепнет его уверенность в собственной правоте.

Себе он оставит свой джип, загородный дом и, разумеется, фирму. О том, чтобы по-настоящему делить активы, речи не идет – Наташа должна сама это понимать. Алексей еще в расцвете лет и всюду занимается бизнесом. И у них есть дети – им тоже надо будет что-то оставить. Так что если у нее нет других имущественных претензий, то развестись можно будет без суда, Ленка с Костиком давно взрослые.

– Что скажешь? – напирал Алексей. – Устраивает тебя такой расклад?

Наташа молчала. Шумно вздохнув, он подошел к ней, неловко коснулся плеча.

– Я понимаю, тебе тяжело. Все это для тебя неожиданно, но, поверь, я вовсе не хочу прожить остаток жизни с ощущением, что обошелся с тобой как подлец. Если у тебя есть другие соображения...

– А тебе? – подняв голову, вдруг спросила она, вглядываясь в нахмуренное лицо мужа.

– Что «мне»? – не понял он.

— Тебе разве не тяжело? Мы же столько лет вместе прожили!

— Так... Я тебя очень прошу — только не начинай, — поморщился он и немедленно отошел, чуть ли не отскочил от Наташи. — Все это в прошлом. К тому же неудачный брак — это не приговор. Ни мне, ни тебе.

— Неудачный?! — против воли повысила голос она. — С каких это пор ты стал считать свою жизнь неудачной?

— Вот только не надо все в одну кучу валить, — огрызнулся Алексей. — Это совершенно разные вещи. Короче, если принципиальных возражений у тебя нет, заявление на развод можно подать на «Госслужбах». Хоть завтра. Это сильно ускорит дело.

— Ускорит? — удивилась Наташа. — Ты куда-то торопишься?

— Я хотел сказать — упростит, — неловко поправился он.

Потом Алексей говорил что-то еще. Пытался согласовать удобное для нее время, когда сможет забрать свои вещи, чтобы не травмировать ее зрением перебора ящиков и шкафов и хождением грузчиков. Наташе было решительно все равно. Хотелось одного: чтобы этот тягостный разговор как можно скорее прекратился. Чтобы Алексей наконец оставил ее в покое. Чтобы ушел — тогда можно будет лечь и попытаться представить себе, что весь этот ужас ей просто приснился. Раз уж нельзя сделать так, чтобы его и вправду не было.

Поняв, что она его не слушает, он замолчал и вышел из комнаты. Через минуту хлопнула входная дверь, и в квартире воцарилась тишина. Медленно-медленно, словно не веря, что ноги готовы ее держать, Наташа дошла до кухни. Машинальным движе-

ВКУС ЖИЗНИ

нием выключила газ под кастрюлей с перекипевшим рассольником. Огляделась по сторонам, села на табурет у окна. Сложив на подоконнике руки, уронила голову на сгиб локтя.

Вот и все. Ее бросили. Хуже того — променяли. Она стала ненужной. Пенсионеркой и болотом.

И как же теперь жить дальше?

Глава 2

Остаток дня был сущим кошмаром. Наташа то заливалась слезами, то бесцельно кружилась по огромной квартире, то надолго замирала в какой-нибудь комнате у окна, глядя пустыми глазами на свинцово-серую воду, что плескалась вдоль кромки гранитной набережной, отделяющей реку от потока машин. В голове теснились вопросы. Их было множество, самых разных: от нелепо-беспомощных, а потому совершенно бессмысленных «За что? Как же так?!» до сугубо-практичных «Ну и кто эта дрянь, интересно?».

Хотя считать последний вопрос безответным было нельзя. Имени счастливой соперницы Алексей благоразумно не стал называть, но Наташа и так догадалась. Ясно как день — это Арина. Именно она лучше всего подходила под определение «молодой коллеги, амбициозной и дерзкой», как описал ее муж. Кажется, Арина работала коммерческим директором в компании Алексея... Заглянув на корпоративный сайт компании, Наташа тут же нашла ее фотографию. На снимке в разделе «Наши кадры» Арине на вид было слегка за тридцать. Неестественно прямая осанка, уверенный взгляд, точно отмеренная легкая полуулыбка: в меру — доброжелательности, в меру — профессионализма, в меру — уверенности в себе. Наташа долго разглядывала это молодое, ухоженное

лицо, обрамленное целой гривой упругих темных локонов, вьющихся крупными кольцами. Интересно — свои такие? Или продукт парикмахерского искусства? В любом случае не чета Наташиной нынешней коротенькой стрижке. Хотя похвастаться подобной роскошной шевелюрой она и в молодости не могла.

Тщательно изучив фотографию счастливой соперницы, Наташа набрала ее ФИО в поисковике и сразу наткнулась на какой-то профессиональный сайт, видимо специально созданный для самопрезентации бизнес-специалистов. Целая страница информации об Арине, чередуя дифирамбы с непонятными англоязычными терминами, рассказывала про головокружительный карьерный рост, про дерзновенные проекты и аналитический склад ума, приведший к доселе в мире невиданным результатам. Криясь от отвращения, Наташа наискосок проглядела эту пафосную трескотню, но кое-что полезное все же сумела из словесного мусора извлечь. Как оказалось, Арина родилась в Петербурге, окончила престижный факультет одного из технических университетов и уже почти семь лет работала в компании Алексея. Начинала с довольно скромных позиций и быстро делала карьеру, а попутно училась на всяческих курсах, тренингах и семинарах, ездила в командировки, продвигала новаторские приемы и самые передовые технологии, не имевшие аналогов у конкурентов... Словом, беспрерывно улучшала и развивала дело всей жизни чужого мужа. И, как выяснилось, улучшала и развивала не только профессиональную сторону его жизни.

Вновь нервно всхлипнув, Наташа отбросила телефон. Сквозь слезы уставилась в стену.

Ну и дрянь! Новаторские идеи она, видите ли, продвигала. Вот и допродвигалась до чужой постели.

Но, если уж говорить откровенно, настоящей, ошеломляющей новостью эта информация для Наташи не стала. За тридцать с лишним лет брака они с мужем прошли большой путь — от искренней юношеской любви (как Наташе поначалу казалось) до откровенного охлаждения чувств, очевидного им обоим. Со стороны семья Добрыниных долго выглядела почти идеальной — ровная, спокойная атмосфера без конфликтов и явных противоречий, постоянно растущий достаток, порядок и чистота в доме... Но все главное, что делает людей счастливыми — искренняя привязанность, дружеское отношение, взаимный интерес, радость быть вместе, удовольствие от внимания друг к другу и желание проводить время вместе, — ушло довольно давно.

Да и было ли вообще? Теперь Наташа и в этом сомневалась.

Все эти грустные изменения накапливались исподволь, долгие годы. К тому моменту, когда сын собрался наконец покинуть родительский дом (и без того задержавшись там гораздо дольше, чем его более самостоятельная старшая сестра), Наташа с Алексеем уже давно жили скорее как вежливые и по-доброму расположенные друг к другу соседи, а не как муж и жена. С отъездом же Костика Алексей, сославшись на обоюдное удобство такого решения, и вовсе завел себе отдельную спальню и перебрался в бывшую комнату дочери. Наташа повздыхала, но убедила себя, что ничего в этом страшного нет. Это нормально, в их годы многие пары именно так и живут. А у огромного числа женщин и вовсе нет мужа...

И вот несколько месяцев назад она сначала почувствовала, а потом и поняла почти что наверняка, что у Алексея появилась другая женщина. Не мимолетное увлечение, а именно — появилась другая. Женщины

обычно догадываются о таких вещах на основании всевозможных мелочей, которых мужчины даже не замечают. И дальше — одно из двух. Кто-то из жен реагирует бурно: принимается следить, рьяно ищет улики, закатывает сцены ревности и требует выяснения отношений. Ну или просто без всяких слов выставляет неверного супруга за дверь. А кто-то так и живет с этим знанием, но не подает виду, имея на то какие-то собственные причины: боится потерять мужа, надеется, что все пройдет, считает ниже своего достоинства устраивать разборки или просто сама не дорожит семейными отношениями.

Наташа избрала второй путь, и его причиной была все та же пресловутая неуверенность в себе: а вдруг я все это просто выдумала? Вдруг и впрямь главе успешной компании внезапно стало необходимо так часто ездить в командировки?

И вот теперь иллюзия кончилась, стало окончательно ясно, что Алексей действительно фактически жил на две семьи. И решил отказаться от той, где роль хранительницы домашнего очага играла Наташа.

Прежней жизни, которая ей самой пусть и не нравилась, но и явных страданий не доставляла, у нее больше нет. Она рухнула, погребя под собой определенность сегодняшнего и уверенность в завтрашнем дне.

Что впереди? Полнейшая неизвестность.

И ведь эта мерзавка еще и беременна!

Вспомнив, как об этом говорил Алексей — сверкая глазами, с улыбкой, пусть и короткой, но явной, с неприкрытой гордостью за свое более чем «зрелое» надвигающееся отцовство, — Наташа вновь всплеснула руками и закружилась по дому. Ему ведь уже шестьдесят! В таком возрасте нормальные люди разве что

внукам радуются, а не собственных новоявленных младенцев растят!

Зачем, ну зачем ему это?!

Для этой самой Арины подобная выходка как раз и неудивительна. Отличный способ привязать к себе чужого мужа вдвое старше себя — дать ему возможность вновь почувствовать себя молодым, полным планов, сил и энергии. Не она первая, не она последняя, кто выбрал такой подлый, такой бессовестный способ увести мужика из семьи. Да чтоб ей, этой Арине...

На этой мысли Наташа зажала себе рот ладонью и прикусила язык. Ну уж нет, желать зла беременной она точно не станет. Эдак вообще неизвестно, до чего можно допсиховаться. Хватит. Пора взять себя в руки и попытаться хотя бы немного успокоиться. Еще сердечного приступа не хватало.

Позвонить, что ли, Кате? Или Танюшке? Поделиться, так сказать, свежими новостями...

Это были ближайшие Наташины подруги, с которыми она хоть и виделась нечасто, но старалась поддерживать телефонный контакт. Друг друга Таня и Катя слегка недолюбливали, поэтому «дружбы на троих» не сложилось, но это не мешало Наташе регулярно общаться и с одной, и с другой.

Нет, пожалуй, не стоит. А то получится, что она сама забегает вперед. Вдруг Алексей еще передумает? Вот смеху-то будет... Кто, правда, будет при таком раскладе смеяться — неясно. Ни ей, ни ему точно будет не до веселья.

Мимолетно представив, как ее осанистый и представительный муж бочком входит в квартиру, как старается не смотреть ей в глаза и проشمывает в свою комнату, она невесело усмехнулась. Нет уж, все это глупости, разумеется. Алексей Добрынин не тот чело-

век, который сначала болтает, а потом думает, что наболтал.

Все кончено. Он не вернется.

Ночь прошла тяжело. Наташа без конца то засыпала, то вновь просыпалась. Думала о случившемся, вспоминала их с Алексеем жизнь. Неужели все то, что самой ей казалось лишь неотъемлемой частью их возраста — охлаждение, отдаленность, погруженность в собственные заботы, — он воспринимал серьезнее и болезненнее, чем она? До такой степени, что не захотел с этим мириться? Встряхнулся, взял себя в руки — и влюбился в молоденькую? Или все было в точности наоборот, и теперь Наташа, образно говоря, ставит телегу впереди лошади: не встряхнулся и не влюбился наперекор надвигающейся старости, а потерял голову, старый дурак, и ринулся крушить устоявшуюся жизнь, прельстившись вниманием ровесницы собственных детей?

Пойди разбери...

Да и не Наташино это дело — копать в его мотивах. Что это даст? Ничего, что могло бы помочь нащупать ускользнувшую из-под ног почву реальности. Ей теперь многое придется переосмыслить и много чего изменить. Слишком много. Так много, как она не меняла уже очень, очень давно. И все это делать предстоит в одиночку.

Вот тут-то и прятался самый ужасный ужас!

Нет, конечно, она не одна: у нее есть дочь, сын, есть подруги. Ее не бросят. Поддержат, помогут. Но пережить этот шторм, хоть и с поддержкой, ей придется самой, не прячась ни за чьи спины. Не только пережить, но и двигаться дальше.

От этих тоскливых пугающих мыслей хотелось, как в детстве, зарыться под одеяло, еще и подушек поверх себя навалить. Чтобы снаружи к ней не про-

никли ни лучик света, ни дуновение воздуха, ни звуки обыденности, которая осталась такой же, как и была. И лишь у Наташи Добрыниной теперь все пойдет по-другому. Как именно — непонятно. Но совершенно точно не так, как ей представлялось, когда она думала о будущей старости.

Боже-боже... Как теперь жить?!

Несмотря на полубессонную ночь, проснулась Наташа еще до будильника. На часах было около семи, и вылезать из постели в такую рань не было никакого смысла. Больше не было. Некому готовить завтрак, гладить рубашку. Некого спрашивать, что приготовить на ужин. Незачем думать, как провести день. Пройдет — и пройдет. Лишь бы кончился поскорее.

Некоторое время, бездумно разглядывая венецианскую люстру с голубыми и нежно-салатовыми подвесками, укрывшимися среди бронзовых роз, она размышляла: неужели теперь так будет всегда? Просыпаешься — и не понимаешь, зачем открыла глаза. Через силу встаешь, умываешься, завтракаешь на автомате, чтобы потом...

Чем она будет заниматься все эти бесчисленные «потом», Наташа подумать не успела. Экран лежавшего на прикроватной тумбочке телефона коротко осветился. Пришло сообщение от Алексея:

«Посмотрела? Тебе все понятно?»

Удивившись странным вопросам, Наташа пролистала его предыдущие сообщения и увидела, что еще четверть часа назад он прислал ей ссылку на раздел в «Госуслугах», где подробнейшим образом объяснялось, как подать заявление на развод. Вновь перевела взгляд на часы — без минуты половина восьмого.

Ничего себе.

Получается, что про эти самые «Госуслуги» он вчера говорил совершенно серьезно. И сегодня, едва

проснувшись, первым делом кинулся инструктировать жену, что и как она должна сделать, чтобы он мог побыстрее от нее избавиться.

Вот так припекает у человека...

Открыв ссылку, Наташа просмотрела текст на экране. Действительно, ничего сложного там не было. Пока она обдумывала, стоит ли написать что-то еще, кроме короткого «да», Алексей, вероятно, увидел, что она в сети, и опередил ее, разразившись пространственным сообщением. Вновь написал про подъемные деньги, про акции, про «оставлю квартиру». Общий тон был суетливый и нервный, и все сообщение какое-то слишком подробное для его обычного немногословия. Даже по одному этому можно было понять, что для него все окончательно решено. Наташа для Алексея – вчерашний день. Как он сказал? Болото? Да, болото. И еще – пенсионерка. Цепляться не за что, упираться нет смысла.

«Прочитала. Сегодня подам», – написала она.

«Во сколько?» – тут же прилетело в ответ.

«Что – сколько?» – не поняла сначала Наташа, но Алексей пояснил, что спрашивает о времени, когда она отправит запрос.

Его настырная торопливость выглядела до того оскорбительной, что Наташа не сразу нашлась, что ответить. Отчаянно захотелось послать его как можно дальше со всеми его электронными сервисами. Пусть-ка побегает, повыпрашивает, поунижается... Но поступать так она не стала. Нет уж, спасибо. То, что, стремясь унижить другого, ты унижаешься сам, – общеизвестная истина. А там – пошло-поехало, слово за слово, око за око. Сколько браков, уже завершенных, распавшихся, окончательно мертвых еще до развода, в которых бывшие супруги уже давным-давно смирились со своим фактическим статусом к момен-

ту формального расставания, вдруг оборачивались настоящими бурями в стакане воды! Люди, равнодушно взиравшие друг на друга долгое время, начинали вспоминать нанесенные когда-то обиды, с ожесточением делить «фамильные ценности», давно убранные за ненадобностью на антресоли, потому что выбросить этот хлам просто руки пока не дошли, и требовать чудовищных, неисполнимых выплат и компенсаций. Каждый третий дамский роман или дневной сериал снят именно об этом. Не то чтобы Наташа была с ними близко знакома, но имела представление благодаря подруге Танюшке. Вот уж кто был страстной любительницей бульварного чтива и турецко-латино-американского сериального мыла! Читала и смотрела захлеб, еще и Наташу норовила держать в курсе особо закрученных сюжетных перипетий.

Пока Наташа размышляла об историях разводов выдуманных сериальных людей, вновь пришло сообщение от Алексея. Совсем короткое:

«Ну?»

Быстро заполнив форму на сайте, она сделала скриншот экрана и послала ему.

«Спасибо! Я всегда знал, что ты рассудительная и здравомыслящая женщина. Рад, что и сейчас не ошибся. Если хочешь, Ленке и Костику сообщу сам. Еще раз спасибо».

И даже смайлик с вытянутыми трубочкой губами поставил. Не постеснялся.

Наташа с горечью усмехнулась. Было ясно, что Алексей испытывает огромное облегчение от проявленного ею «здорового смысла». Все вышло гладко. Заявление подано. Пройдет тридцать дней — и он будет свободен как ветер. Устремится, так сказать, в новую жизнь рука об руку с молодой женой, навстречу сюрпризам, открытиям и приключениям.

Отложив телефон, Наташа медленно огляделась по сторонам, словно пытаясь увидеть те самые перемены, которые столь бестактно вломились в ее жизнь. За окном окончательно рассвело. Она по-прежнему сидела на кровати. Даже халат не надела и не сходила, пардон, в туалет. Зато под руководством уже почти бывшего мужа подала заявление на развод. А всего сутки назад ничто, буквально ничто в ее жизни не предвещало таких оглушительных перемен.

Что тут скажешь? Даже если кажется, что уже все повидал, — жизнь никогда не разучится удивлять.

Ленка позвонила ближе к обеду, когда Наташа разложила на кухне с сортировкой содержимого морозилки. Все домашние заготовки она всегда аккуратно укладывала в цветные контейнеры и снабжала этикетками с датами заморозки. Пришла осень, а значит, время проверки. Не осталось ли что-то с прошлого года? Хотя действовала она практически машинально. Лишь потому, что еще в начале недели запланировала освободить в морозильной камере место для новых припасов.

Припасы... Смешно. Зачем они теперь? Для кого? Для чего?

— Мам, привет! — Ленка начала разговор довольно оживленно. — Мне тут папа что-то странное написал. Я ему даже перезвонила. Он, правда, был занят, мы поговорили совсем немного. Но он сказал, что вы с ним вроде как надумали развестись. Че, правда, что ли?

Наташа против воли скривилась. «Надумали», значит. Сказать родной дочери, что это он решил бросить жену, а никакое не «мы вместе надумали», духу Алексею все-таки не хватило. Что ж, исправить это будет нетрудно.

— Не совсем, — сказала Наташа. — Это он так решил, а не я.

— То есть он от тебя уходит? — продолжала бестактно дочь.

— Получается, так.

— Ни фиги себе новости дождливым сентябрьским утром, — задумчиво протянула Ленка. — И чего теперь будет?

— Не знаю, — вздохнула Наташа. — Со мной такое впервые.

— Это-то ясно, — деловито согласилась дочь. — Весь вопрос в том, какое цэ-цэ его вдруг укусило. Жил бы себе и жил, как сложилось. Но разводиться-то на хрена?

— Что значит «жил бы как жил»? — не поняла Наташа. — У него вроде как другая женщина появилась. Или он тебе не сказал?

— Сказал, разумеется. Но в вашем возрасте делать из этого драму...

— А что делать? Что?! — не выдержала Наташа. — Ей тридцать четыре, как и тебе. И она, между прочим, беременна.

— Ну, во-первых, тридцать четыре мне будет только через два месяца, если что, — невпопад обиделась дочь. — А во-вторых, можно же было как-то договориться. Чтобы и тебя не бросать, и...

— Спасибо, милая, — перебила Ленку Наташа. — Вряд ли бы мне это подошло. Да и твоему отцу — тоже. Мы с ним, видишь ли, несколько старомодны. Разлюбил — развелся — создал другую семью. Именно в этой последовательности действуют честные люди. Правда, твой папа в эти правила все-таки не до конца уложился.

— Мам, ну чего ты? Я вообще не это хотела сказать! Мне просто надо доделать один срочный проект, поэтому я попутно смотрела в ту хрень, что заказчики понаписали, вот и ляпнула ерунду, — немедленно раскаялась Ленка.

Действительно, на протяжении всего разговора Наташа явственно слышала цоканье клавиш ноутбука. Работает, значит. И то хорошо. С Ленкой такое бывало нечасто. По настоянию родителей после школы она получила экономическое образование, но никогда в этой области не работала. Еще до универа Лена назначила себя творческой личностью и с тех пор вечно пыталась то писать книгу, то заниматься фотографией, то быть дизайнером одежды. Ни успеха, ни каких-то более-менее серьезных и постоянных денег это не приносило, и родители, точнее отец, до сих пор были вынуждены материально ей помогать, фактически — содержать. И тут на тебе — проект она делает срочный!

— Ладно, я понимаю, — примирительно сказала Наташа. — Мне это все как снег на голову упало.

— И мне, — поддакнула дочь.

— До сих пор в себя прийти не могу. Он ведь только вчера мне обо всем сообщил. Дома не ночевал. Сказал — за вещами позже придет. — У Наташи ощутимо защипало в носу от набегающих слез.

— Мам, давай я с ним вечером встречусь? — предложила дочь. — Поговорим. В конце концов, он обязан объяснить мне свое поведение!

— Делай как знаешь. Но не думаю, что он будет что-то такое про себя объяснять.

— Нет, должен! — заупрямилась Ленка. — У меня с ним нормальный контакт, так что я хотя бы сумею понять, что случилось. А потом тебе позвоню. Хорошо?

На том и договорились. К собственному удивлению, после этого разговора Наташа почувствовала себя немного спокойнее. Действительно, допытываться, как он «дошел до жизни такой», и задавать мужу унизительно-мелочные вопросы она сама ни за что бы не стала. Но это вовсе не значило, что ей

было бы неинтересно узнать ответы на них. А Ленка справится точно.

Из всей семьи именно у нее были самые близкие отношения с Алексеем. Сам он не особо скрывал, что дочь была его настоящей любимицей, в ущерб сыну. Наташе такой подход был глубоко непонятен, она одинаково сильно любила и сына, и дочь. И чувствовала себя обязанной уделять Костику больше внимания, чтобы хоть как-то компенсировать отцовскую холодность. К ее огорчению, со временем контакт с сыном заметно ослаб: выучившись на программиста, тот целиком погрузился в какой-то неведомый матери виртуальный мир. Выныривая на поверхность «реала», как он говорил, Костик становился все более непонятным и странным. В детстве он был милым забавным карапузом, маминой отрадой. Рано увлекся компьютерами, еще в средней школе уже отлично в них разбирался, чем Наташа очень гордилась. И просто душно радовалась тому, что в отличие от Ленки с ее постоянными закидонами у Костика пубертатный период прошел спокойно. Никаких поводов для тревог, подозрительных компаний и ночных прогулок — все вечера и выходные мальчик был дома, сидел за компьютером и хорошо кушал. Правда, со временем малоподвижность и вкусная мамина еда привели к появлению лишнего веса. Сначала Костик не обращал на это внимания, но позже, уже в юности, все же решил «взяться за себя». Однако вместо того чтобы просто пойти в спортзал, как другие ровесники, вдруг увлекся «зеленой» идеологией и решил, что хочет стать вегетарианцем. С тех пор, пока жил дома, постоянно изводил Наташу лекциями о том ущербе, который она наносит окружающей среде своими поездками на автомобиле, приготовлением бульонов и котлет и нерациональным использованием ресурсов. Когда отец

купил квартиру и ему, Наташа (хоть и сама стыдилась этого) вздохнула с облегчением — все-таки жить в обстановке вечных укоров и нотаций было трудно. Года два назад Костик познакомился с Евой, невзрачной худосочной девицей, еще более увлеченной «зеленой» идеологией, чем он сам, женился и под влиянием молодой жены сделался веганом. Теперь они напоминали двух деловитых хомячков: ездили исключительно на велосипедах и самокатах, тщательно подбирали еду и бытовую химию без единой животной молекулы и придирчиво изучали составы тканей, из которых шилась одежда и постельное белье. Детей у них не было и не предвиделось. Похоже, оба были так заняты поиском наиболее экологичного способа выживания в каменных джунглях, что думать о продолжении рода им было решительно некогда. Да и просто радоваться жизни — тоже.

В общем, дети выросли... Такими, какими выросли, а не такими, какими их растили. Но Наташа сумела с этим смириться и научилась принимать сына и дочь такими, какими они были. Пришла к выводу, что одна из главных родительских мудростей — вовремя понять, что твой ребенок — это самостоятельная личность со своим характером, со своими взглядами на жизнь и собственное будущее. А вовсе не твоя улучшенная копия, чье предназначение — реализовать твои невоплощенные планы и мечты.

Вечером Ленка не перезвонила. Лишь в середине следующего дня, когда Наташа уже успела махнуть рукой на эту затею, у нее зазвонил телефон.

В разговоре выяснилось следующее. С отцом Ленка встретила и «предельно жестко» с ним пообщалась. Как это могло выглядеть на практике, Наташа понятия не имела. Алексей был не из тех людей, которым можно указывать на ошибки или давать советы

и уж тем более — помыкать. Любую попытку подобного «конструктивного диалога» со стороны членов своей семьи он всегда пресекал в зародыше, даже если тема была совершенно невинной. И неужели сейчас он стал выслушивать упреки от собственной дочери?

Но с Ленкиных слов получалось, что стал.

Пересказ разговора вышел довольно сумбурным. Устав от Ленкиных отрывочных восклицаний, Наташа стала задавать наводящие вопросы. И как-то само собой получилось, что все они были в основном о счастливой сопернице, которая развалила ее семью.

Интуиция не подвела — это действительно оказалась Арина. В разговоре с дочерью отец не считал нужным скромничать или стесняться и говорил о будущей новой жене много, свободно и с удовольствием.

Судя по рассказам Лены, к категории провинциальных охотниц за богатым мужем Арина не относилась. Была коренной петербурженкой, знала два языка — английский и какой-то еще, кажется, польский, — имела собственную квартиру где-то на Юго-Западе, просторную, современную и отлично обставленную.

— С потрясающей, кстати, архитектурной и планировкой! Я видела такие на сайтах риелторских агентств, — с восторгом напирала дочь на живо интересующую ее тему.

С недавних пор Лена была сильно озабочена «квартирным вопросом»: подаренная отцом квартира ее решительно не устраивала, и она мечтала перебраться в старый центр, чтобы жить поближе к «подлинной душе Петербурга». А Наташа, услышав про Юго-Запад, лишь подумала: как же он, бедный, будет до работы теперь добираться? Через весь город ехать придется, через все пробки, утренние и вечерние...

От их собственной квартиры до промзоны, где располагалась фабрика Алексея, было от силы двадцать минут езды.

Так вот, Арина, оказывается, вроде даже и не собиралась уводить Алексея из семьи. Их служебный роман продолжался уже давно, лет пять, и все это время Арина как будто и не тяготилась ролью любовницы. А когда случайно забеременела — оказывается, пруруха бывает не только на старух, но и на практичных молодых женщин, — взвесила все «за» и «против» и решила, что готова родить ребенка. О чем и поставила в известность Алексея Олеговича Добрынина. А уж захочет он разделить эту радость с ней или нет, ее не особенно волновало. Алексей Олегович захотел. Захотел до такой степени, что чуть ли не на коленях с кольцом в корбочке и букетом наперевес испрашивал у нее руки и сердца. Арина подумала — и согласилась.

«Интересно как получается... — невесело думала Наташа, слушая, как Ленка очень похоже изображает отцовскую манеру разговора. — А тот факт, что он вроде как еще официально женат, ему не мешал?»

Жить молодые планировали сначала в квартире Арины, а после, когда будет сделан ремонт в загородном доме Алексея, перебраться туда.

— Ремонт? Какой еще ремонт? — всполошилась Наташа. — Мы ведь его только три года назад сделали. Полностью всю инженерку переложили!

— Мам, ну ты как маленькая, честное слово, — снисходительно протянула Ленка. — На черта ей сдался ваш... как бы помягче выразиться... ретр디자인? У нее дома сплошной хай-тек и контемп с элементами лофта.

— Чего-чего? — не поняла сначала Наташа.

— Контемпорари, — с охотой взгромоздилась на любимого конька Ленка. — Точечные заимствования

и искусство деликатного компромисса. Помнишь, в том сериале, где...

— Подожди, — нетерпеливо перебила Наташа. — Ты-то откуда знаешь? Ты что, у нее была?!

— Нет, разумеется. Еще нет, — успокоила ее дочь. — Но в ее блоге полным-полно фоток. Сама посмотри. Хочешь, я тебе скину ссылку?

Наташа с досадой поморщилась. Она и сама не раз собиралась поискать Арину в соцсетях, но останавливала себя, считая, что это будет уже как-то чересчур.

— Обойдусь, — буркнула она.

— Нет, я все-таки скину, — продолжала настырничать дочь. — Должна же ты знать, как папа будет теперь жить. Он тебе все же не чужой. Кстати, я хотела с тобой кое-что обсудить. У меня тут наклеивается парочка вариантов... Как думаешь, квартира в двухэтажном особняке на набережной Ждановки — не полный зашквар?

— Это в котором? Из тех, что пленные немцы в пятидесятые строили? Без ванной и с полами из досок? Зашквар, дорогая. Совершенный зашквар. — Ленкин жаргон Наташа прекрасно освоила, едва только та с головой погрузилась в поиск своего кусочка «души Петербурга».

— Вот мне тоже так показалось еще до просмотра, едва я фотки в интернете нашла, — протяжно вздохнула дочь. — Ладно. Будем искать дальше.

Посчитав, что уделила маминым проблемам достаточно времени, Ленка решительно переключила разговор на свои. Наташа привычно выслушала ее странненькие повествования сначала о поиске квартиры, потом об очередном «поклоннике», как Ленка называла своих бесконечно меняющихся любовников. Ее личная жизнь была столь же сумбурна и непостоянна, как и профессиональная. Лена относилась к той породе

людей, которые готовы с удовольствием и азартом без конца наступать на одни и те же грабли. Все время увлекалась кем-то похожим на нее саму — таким же носителем хаоса с огромными амбициями и самомнением, но стойко равным нулю КПД, — сходилась с ним или маялась от несчастной любви, потом разочаровывалась, расставалась, какое-то время страдала от депрессии, а после начинала все сначала с новым «поклонником». Вот и сейчас у нее в разгаре был очередной «офигенный» роман. Излив матери душу, она распрощалась с ней в самом энергичном расположении духа, рассеянно брякнув в конце «папке привет» и, видимо, совершенно забыв, по какому поводу вообще звонила.

Наташа только вздохнула. Что тут скажешь? Разве может она осуждать дочь за то, что та с головой погружена в собственную жизнь?

Эх, дети-дети...

В отличие от сестры, Костик, кстати, так и не позвонил. Вообще. Только написал. Через три дня после памятного разговора с Алексеем Наташа получила сообщение от сына. Какую-то сущую ерунду, форменное мальчишество: «Ну и что вы с папой не поделили?»

Было понятно, что эта новость выбила Костю из колеи и он просто не знает, как правильно реагировать. Объяснять сыну, что именно они с Алексеем «не поделили», у Наташи не было ни сил, ни желания. Раз Костик решил не звонить, а написать, значит, на сочувственный разговор ей не стоит рассчитывать. Что ж, сама она тогда тоже звонить не станет.

И Наташа ограничилась общим, отстраненным ответом, едва не шутливым: мол, все уже поделили. Разводимся.

Потекли дни. Оправившись от первого шока, Наташа постепенно начала осознавать, что вся ее при-

вычная жизнь рухнула. Она очень старалась держаться достойно и не устраивала мужу ни скандалов с обвинениями и оскорблениями, ни жалких сцен со слезами и просьбами «не бросать», как делают многие женщины в подобной ситуации. Правда, спокойствие это было обманчивым и очень нестойким и так и поровило подвести в самый неподходящий момент. Так, к примеру, случилось после того, как Алексей забрал свои вещи. Он действовал максимально деликатно (грузчики побывали в доме в отсутствие Наташи), но все равно по квартире она потом ходила в слезах и со странным чувством: это была смесь брезгливости, растерянности и обиды. Как будто ее дом обокрали. Как будто чьи-то чужие жадные руки рылись в шкафах с одеждой, в ящиках столов, на антресолях... Но ведь — не чужие! Это ее муж, Алексей, забирал свои личные вещи. И забрал-то явно по минимуму: очень многое осталось на месте. Неужели он приедет еще раз? Нет, она этого просто не выдержит!

Но выдержала. Выдержала как миленькая: и этот самый повторный визит (хоть снова при нем не присутствовала), и личную встречу, да не одну, во время которых Алексей то показывал, то вручал ей какие-то документы, то ли расписки, то ли уведомления, то ли договоры. Все это было важной и нужной частью жизни двух взрослых людей, которые, окончательно расходясь в разные стороны, изо всех сил стараются сделать так, чтобы минимизировать возможные обоюдные неудобства.

И она старалась. Очень старалась. После того как попыталась сразу, не вдаваясь в содержание, подписать какую-то бумагу и он на нее накричал, стала внимательно читать все, что приносил Алексей, хотя при этом вообще не улавливала смысла. Дважды съездила с ним в брокерскую компанию. Трижды — в банк. Точнее, в три разных банка. Или все-таки в два?

Наташа не помнила.

Месяц, отпущенный «на примирение», прошел как во сне. В день развода они встретились в ЗАГСе и, подписав все необходимые документы, получили свидетельства. Каждый – свое. Глядя, как широкоплечий, еще не старый краснолицый мужчина с сильными залысинами на лбу и висках аккуратно укладывает свой экземпляр в папку, затем прячет ее в портфель и рассеянно оглядывается по сторонам, словно раздумывая, что делать дальше, Наташа невольно вспомнила их свадьбу. Тридцать пять лет назад этот же Алексей, тогда еще статный, красивый сероглазый парень в костюме восхитительно-кофейного цвета, веселым шепотом щекотал ее ухо, прижимая к нему невесомость фаты.

– Наташка, смотри, нам дали одно! Чур, мое будет!

– Что же тут удивительного, молодой человек? – строго спросила его тетенька-распорядитель с золотой муаровой лентой через плечо, водя лакированной указкой по строчкам для подписей новобрачных. – Вы же теперь семья. Одно целое. Значит, и свидетельство у вас должно быть одно на двоих.

Неужели все это было взаправду?

Может, и было. Но теперь одного на двоих у них ничего не будет. Теперь у каждого все только свое, отдельное – начиная с документа о разводе.

– Спасибо, что все прошло так... как прошло. – Голос Алексея вернул Наташу в реальность. Он протянул руку – то ли для рукопожатия, то ли просто хотел дотронуться на прощание, – но, словно бы осознав неуместность подобного жеста, тут же и отступил на пару шагов. – Я поеду, извини. Куча дел на сегодня. А еще и на работу надо будет успеть.

Наташа кивнула, делая вид, что понимает. Обозначенная им «куча» определенно была связана не с работой.

ОЛЕГ РОЙ

— Конечно, я понимаю. Поезжай.

— Вот и отлично. — Он все-таки сделал усилие над собой и, посмотрев ей в глаза, сказал то, чего она уже и ждать перестала: — Прости меня. Пусть не сейчас, но потом. Если что-то понадобится... В общем, будем на связи.

Выйдя из здания, они еще раз кивнули друг другу и, как в любой порядочной мелодраме, устремились в разные стороны.

Уже стоя рядом со своим стареньким авто, Наташа поймала взглядом джип мужа. Он проехал совсем близко, в каком-нибудь метре или полутора от нее. Сквозь широкое боковое стекло его профиль был отчетливо виден.

Головы в ее сторону Алексей не повернул.

Наташа на мгновение закрыла глаза и судорожно вздохнула.

Вот и все. Кончено. Теперь — точно.

Глава 3

За прошедшую после развода неделю Наташа в полной мере ощутила, что машина ее прежней налаженной жизни исчерпала всю инерцию отпущенного ей движения и готова вот-вот ткнуться в кювет. Заторможенность и апатию, сковавшие все ее мысли и чувства накануне похода в ЗАГС, сменили боль и глухая тоска. Ни делать что-либо, ни куда-то ходить абсолютно не хотелось. С сентября в фитнес-клубе начался долгожданный курс продвинутого пилатеса, на который Наташа записывалась еще в июне, но ни одного занятия она так и не посетила. И вообще забросила тренировки. Привычные мелочи — косметологи, запланированная новая стрижка, прогулки, театры, бассейн — больше не вдохновляли и казались пустой тратой сил. Зачем они ей теперь? Хотя времени обычно хватало на все, а сейчас его стало вроде бы даже больше, но... Как часто бывает с людьми, внезапно выбитыми из привычного ритма жизни, это самое время утекало сквозь пальцы — собиралось застойными лужицами скучных пустых вечеров, мелкими брызгами судорожных неотложных забот разлеталось в разные стороны, оставляя после себя не удовлетворение от выполненного дела, а лишь ощущение утомительной суеты, бессмысленной и напрасной.

Хотя неожиданно отыскалось занятие, которое Наташу действительно увлекло. Настоящее guilty

pleasure, как сказала бы Ленка, успевшая поучиться на каких-то психологических курсах и полюбившая с той поры разные заумные термины. Но это было постыдное удовольствие. Грешноватое даже, если начистоту.

Регулярно, а порой и по несколько раз на дню, Наташа навевывалась на страницы блога Арины. Стыдилась, ругала себя за этот внезапный «вуайеризм», но ничего не могла с собой поделать. Там было на что посмотреть. Арина в полной мере была современным «сетевым» человеком, и новости в ее блоге появлялись практически ежедневно, а порой и по несколько в день. Каждый, даже самый коротенький пост сопровождался несколькими фотографиями. Так что и без звонков Костику или Ленке, без всяких унижительных выспрашиваний Наташа могла подглядывать за новой жизнью своего старого мужа.

Именно так она для себя обозначила этот процесс: «Новая жизнь моего старого мужа».

И наблюдала за ним, словно за рыбкой в аквариуме.

Из блога Наташа узнала о дате свадьбы Арины и Алексея — она была назначена на 21 октября. Сначала оторопела: позвольте, как это так? Ведь развод они оформили только 6-го... Даже если пресловутая «куча дел», о которой бывший муж упомянул в день развода, включала в себя подачу нового заявления, дату свадьбы им никак не могли назначить раньше первой ноябрьской декады. А то и позже. И тут — на тебе!

Получалась, что вся эта кипучая деятельность была запущена давным-давно, задолго до только что состоявшегося развода с Наташей. Если можно так выразиться, шикарный свадебный лимузин уже мчал Алексея на всех парах к новому счастью, а саму Наташу за ненадобностью просто высадили у въезда в тупик под названием «мое прошлое с без пяти минут пенсионеркой».

Ничего себе новости...

От таких мыслей лицо Наташи пошло пунцовыми пятнами. Нет, конечно, никакая она не пенсионерка! Алексей, между прочим, хоть и разница между ними была всего-то пять лет, всю жизнь выглядел значительно старше. Минимум лет на десять, в последние годы — на все двенадцать, а то и пятнадцать. И то, что он женится на ровеснице своей дочери, нисколько не делает его моложе. И уж тем более не делает его моложавую жену — ладно, пусть теперь уже бывшую жену — пенсионеркой.

Хотя, полистав фотографии Арины из последнего отпуска, пылающая праведным гневом Наташа несколько подостыла, а потом и вовсе сникла. Нет, она не пенсионерка, конечно — и выглядит, и чувствует себя великолепно, — но тягаться с Ариной ей явно не стоит. Чего уж людей-то смешить.

Новым ударом стал факт беременности Арины близнецами. Узнав об этом из очередного поста, Наташа как заведенная принялась отматывать новостную ленту назад, вновь и вновь вглядываясь в счастливые лица соперницы и бывшего мужа. Подумать только, у Алексея будет еще двое мальчишек! И это после такого многолетнего перерыва! Этому факту можно было бы только радоваться, если бы... если бы это был кто другой, а не ее собственный бывший муж.

Мысленно она все еще продолжала так его звать: собственный, хоть и бывший.

В середине октября, после очередных выходных, Арина, как по заказу, выложила целую серию фотографий их с Алексеем загородного дома. «Их с Алексеем» — нет, вы только подумайте! Тот факт, что Наташа отделявала его собственными руками, во внимание, естественно, больше не принимался. А ведь она сама сажала все деревья и ягодные кусты, обу-

страивала клумбы и бордюрные цветники вдоль кирпичных дорожек. Добротная теплица с отоплением и системой капельного полива, садовые гномы, привезенные свекровью и свекром из Черногории, высокие «скандинавские» грядки... Теперь это все пойдет под нож. Вернее сказать, под бульдозер. У Арины наверняка другие планы и совершенно другие вкусы. Устроит детскую площадку, к примеру. Или английский газон. Или выкопает бассейн.

На фотографиях вся жизнь Арины и Алексея дышала праздником и беззаботным весельем. Наташа, естественно, понимала, что обычных будней у них наверняка тоже хватает, но все равно — улыбающимся так часто и так широко она не видела своего мужа уже много лет. Он то держал Арину руку, то обнимал ее плечи, то, усадив на колени, дурачился с ней на широких садовых качелях, стоявших под раскидистой яблоней, щедро забрасывавшей «молодых» желтой осенней листвой.

Все это было похоже на сказку. В крайнем случае — на рекламу. Стыдясь и ругая себя, Наташа, всякий раз присаживаясь к старенькому Ленкиному ноутбуку или берясь за телефон, чувствовала, что собственными руками вонзает себе в сердце нож. Еще и проворачивает чуть ли не с хрустом.

Как, ну как теперь жить?!

Пытаясь хоть как-то справиться с творящимся в душе дискомфортом, она отчаянно старалась переключиться. В неурочные дни звонила Ленке и Костику, чему и одна, и другой были не очень-то рады. Наташа и сама это понимала. Что поделать — у детей давным-давно своя жизнь. Неудивительно, что они не слишком рвутся впускать в нее маму.

Зато обе закадычные подруги, Таня и Катя, готовы были слушать ее, кажется, бесконечно. Особенно Таня. И Наташа с удовольствием изливала ей душу.

Дружили они лет сто, познакомились еще на подготовительных курсах и были очень рады, что оказались в одной группе. За пять лет учебы в институте дружба оформилась и окрепла, и, когда после вручения дипломов почти все однокурсницы быстро потеряли друг друга из виду, кто выйдя замуж, а кто переехав, Наташа и Таня сохранили прежнюю связь. Они были ровесницами и поначалу двигались по жизни практически в одинаковом темпе. В один и тот же год вышли замуж, с разницей в несколько месяцев родили по дочке. Правда, после декретного отпуска Таня, подгоняемая семейным безденежьем, вышла на работу, а Наташа так и осталась «заведовать домом», не нуждаясь в собственном заработке, — семья обходилась доходами мужа, да еще и свекры помогали. С годами финансовая пропасть между подругами становилась все более ощутимой, но дружбе это нисколько не мешало. В конце концов, любому нормальному человеку понятно, что деньги — это последнее, что может стать стимулом к дружбе. И в понимании этого факта Наташа не была исключением.

Таню она знала давно — дольше, чем кого-либо, даже дольше мужа, — и прекрасно видела все ее достоинства и недостатки. Особым честолюбием подруга не обладала. В Техноложку поступила по принципу «все побежали — и я побежал». Хотя у самой Наташи, еще до того, как открылась перспектива замужества, были самые серьезные планы: училась она отлично, химией интересовалась всерьез, и ближе к концу учебы ей даже начали намекать на возможность аспирантуры, но не сложилось. Зато Таня почти всю жизнь проработала «по специальности», как сама, посмеиваясь, говорила, если речь вдруг заходила о ее работе, хотя к химии ее профессиональная деятельность имела довольно смутное отношение. Всю жизнь Таня прорабо-

тала в химчистках — сначала, в трудные девяностые, приемщицей, потом начальником смены, а теперь и заведующей отделением в большой сети. Настоящая карьера ее не интересовала, и крошечный кабинетик с прозрачной стеклянной стеной, обращенной к рабочей зоне, стал верхом профессиональных стремлений.

Внешне подруги являли собой два типа противоположностей. В отличие от худенькой, живой и подвижной Наташи, Таня была ширококостной, неторопливой и словно бы всегда чуть-чуть сонной, заторможенной в поступках и рассуждениях. С детства склонная к полноте, к пятидесяти годам она лишь ценой невероятных усилий сумела не превратиться в законченного колобка и постоянно сидела на разных модных диетах, называя их почему-то постами, хотя ни религиозной, ни набожной никогда не была. Зато была мягкой, улыбчивой, доброжелательной и всегда готовой помочь. Это последнее качество Наташа смогла оценить в полной мере, едва только Таня узнала, что ее лучшую подругу оставил муж.

— Вот же гад! — бушевала Танюшка в телефонную трубку, заглушая Наташины всхлипы и протяжные вздохи. — Негодяй, подлый мерзавец! И как только земля таких паразитов носит!

Наташа в ответ только печально вздыхала, соглашаясь с праведным Таниным гневом. Сама она так и не смогла заставить себя бранить мужа вслух. Попробовала было — и не пошло, ни удовольствия, ни облегчения это занятие не приносило. Звуки собственного голоса, трагически восклицавшего что-то вроде «Сволочь, да как он посмел?!», казались ненатуральными, от чего и чувства вроде как теряли в цене. Хотя чувства как раз были самыми что ни на есть искренними, и в глубине души, когда миновала первая растерянность и разверзлись бездны справедливой

обида, какими только словами она Алексея не называла. В такие моменты все Танины «мерзавцы и подонки» по шкале от нуля до десяти скромно топтались где-то между единицей и двойкой.

С трудом уложив в голове подружкины новости, Таня припомнила Алексею все: и «седину в бороду», и черную неблагодарность в ответ на Наташину круглосуточную заботу о нем самом, его родителях и его детях, и коварство, и двуличность, и холодный, бездушный расчет. А как же?! Нет, вы только подумайте: планировать новую свадьбу при живой-здоровой, еще не разведенной жене! Да разве порядочный человек на это способен?

За такое бурное сочувствие Наташа была ей очень признательна. И совершенно искренне, кстати. Действительно, Таня прекрасно знала, о чем говорит: сама всю жизнь прокрутилась между мужем, дочкой, домом-дачей и работой. А в последние годы на нее еще и двух внуков навесили. Так что, если бы ее Толик хоть вякнул что-нибудь про развод, она бы его на клочки разорвала. А Наташа стерпела. Еще и согласилась покорно на те жалкие крохи, что Алексей предложил ей в обмен на согласие отпустить его без суда. Обобрал небось до последнего... Узнав, что не обобрал, подруга все равно не смирилась.

— Ты, Наташка, просто святая какая-то, — говорила Таня, когда они встретились уже после Наташиного развода. — Не в том смысле, что с нимбом на голове, а блаженная. Бессребреница. Что дали, то и взяла. Кто так делает? Надо было добиваться, чтобы все по справедливости поделить.

— По справедливости? Это как? — растерянно переспрашивала Наташа, думая совсем о другом.

— Ну... не знаю, — уклонялась от прямого ответа Татьяна, явно не представляя сама, где она, эта самая чужая справедливость. — Во всяком случае, тверже от-